

Мой верный пес Гоголь

Александр Сергеевич

Александр Малышев

Мой верный пес Гоголь

<https://litres.ru/74624503>

SelfPub; 2026

Аннотация

Миша и его пёс Гоголь знают, как сделать зиму по-настоящему волшебной. Один старый сундук — и вот уже в руках потрёпанный воздушный змей, который помнит папины руки. Одна прогулка — и на Гоголя забирается настоящая белка, а потом устраивается прямо на голове у Миши. А впереди — Новый год, снежки во дворе, тайные угощения от папы и ожидание чуда, которое хочется поймать собственными руками.

Это история про приключения, которые умещаются в один зимний день, про доброту, которая начинается с маленького поступка, и про то, как здорово, когда рядом есть тот, кто не даст тебе скучать. Для тех, кто любит уютные зимние истории и верит, что самое главное волшебство — в семье и дружбе.

Александр Малышев

Мой верный пес Гоголь

Глава 1 Гоголь

Это было ещё зимой. Все наряжали ёлку, готовились к празднику, и запах мандаринов будто вёл меня домой — сладкий, терпкий, такой настоящий, что казалось, если глубоко вдохнуть, сразу станет теплее. А ещё дед Мороз... Как же я хотел его увидеть! Я даже специально не спал всю ночь, чтобы не пропустить ни секунды, сидел, вглядывался в темноту коридора, где изза приоткрытой двери пробивалась полоска света из кухни. Там, наверное, шуршали обёртками, прятали подарки. Или это дед Мороз тихо ставил мешок у двери?

Но всё равно засыпал. Каждый раз на одну и ту же секунду, а потом будто проваливался в чёрную яму. И на утро я видел свои подарки. Они лежали под ёлкой, будто сами собой появились за ночь.

Мне, конечно, говорили соседские ребята: «да это родители кладут в новогоднюю ночь, чего ты веришь!» Но я не верил. Настоящее чудо происходит именно 31 декабря, в новогоднюю ночь. И в этот раз я его не пропущу. Я увижу деда Мороза.

Я даже придумал план: надену тёплую кофту, сяду на пол у двери в гостиную и буду смотреть. Пусть глаза слипаются,

пусть голова клонится вниз — я подниму её. Я не пропущу этот момент. Потому что если я засну, чудо случится без меня. А я так не хочу.

Родители наряжали ёлку, ели мандарины и смотрели всякие новогодние фильмы — вот это настоящий вайб. А если точнее, это всё делал папа: одновременно распутывал гирлянду, подпевал песням из старых фильмов и ещё успевал шутить, будто у него не две руки, а сразу десять. Как ему удавалось всё совмещать — я до сих пор не понимаю.

Мама тем временем весь день готовила салаты, раскладывала их по красивым мискам и тихонько напевала себе под нос. В квартире пахло хвоей, мандаринами и чем-то тёплым, домашним — таким запахом, который хочется запомнить навсегда.

В этой всей уютной суе я потихоньку выскользнул на улицу. За окном шёл лёгкий снег — такой тихий, будто город специально притих, чтобы его услышать. Я вышел во двор, высунул язык, и на него тут же села снежинка.

Она растаяла в ту же секунду — я даже не успел её почувствовать, только уловил этот крошечный миг холода.

Я закрыл рот, улыбнулся и побежал дальше. Вокруг все поздравляли друг друга с Новым годом, желали успехов, обнимались, передавали пакеты с подарками. И в этот момент меня вдруг накрыло одной простой мыслью: как же мне этого не хватает — просто чтобы мы все были добрее, хотя бы чуть-чуть, хотя бы сегодня. Проходя между домами, я вы-

глянул по сторонам: вокруг никого не было, только снег мягко ложился на крыши и скамейки. И тут сзади меня кто-то толкнул — да так сильно, что я упал лицом прямо в сугроб.

— Эй! — фыркнул я, стряхивая снег с лица, и тут же рассмеялся.

Это был мой верный пёс Гоголь. Он вилял хвостом так, будто только что совершил самый важный подвиг в жизни. С виду он был как большой лабрадор золотистый но большой и сильный всегда спасал меня.

Почему Гоголь? Сейчас расскажу. Ещё год назад мы с родителями так замёрзли, что уже почти отчаялись найти тепло. Все кафе были закрыты, ветер пробирался под куртки, и казалось, что согреться уже не получится. И в тот самый момент, когда надежда почти погасла, мы встретили его. Гоголь будто понял, что нам нужно, и уверенно повёл нас к маленькой кофейне, где пахло какао и корицей. Там нам налили самый вкусный какао, какой я когда-либо пробовал, и дали печенье в форме ёлочек и снеговиков — бесплатно. Мы просидели там долго, отогревались, смеялись и чувствовали, что всё будет хорошо.

Именно тогда я и назвал его Гоголем — в честь этой кофейни, она так и называлась. И знаешь, что самое хорошее? Она до сих пор открыта. И посетителей у неё не становится меньше: попрежнему толпы людей, парочки, семьи заходят туда, чтобы согреться и на минуту забыть про мороз. для меня это как знак: если где-то есть тепло и доброта, они не ис-

чезают просто так. Я пришёл домой, дал Гоголю косточку, и тут мама вручила мне ответственное задание: принести с её работы коробку с мандаринами. — И смотри, не съешь их по дороге! — она шутливо ткнула меня в нос. — Беги навстречу приключениям! А мы с папой пока развесим

гирлянду и всё украсим.

— Ладно! — крикнул я и побежал.

Мама работала недалеко, можно было дойти пешком — на том самом заводике, где мандарины собирают, упаковывают в коробки и развозят по магазинам. Я там уже бывал, и меня там знали: мамины друзья улыбались, кивали, а кто-то даже махал рукой.

По дороге я снова встретил Гоголя — он решил меня проводить. Мы играли: я кидал снежки, он гонялся за мной, потом я за ним. Он периодически пытался есть снег, но я его останавливал:

— Гоголь, фу, он же холодный и невкусный! В какой-то момент он повалил меня в сугроб и начал облизывать лицо.

— Фу, Гоголь, ну хватит! — смеялся я и попытался повалить его в ответ, но он был слишком сильным. Зато, чтобы я не обижался, он сам плюхнулся на бок, и я почесал ему живот. Всё было честно.

Мы так заигрались, что почти забыли про задание, но потом спохватились и побежали к маминой работе. Там меня сразу заметили, окружили мамины друзья:

— Держи, пока никто не видит! — шептали они и сова-

ли мне мандарины прямо в карманы. Я стеснялся, не хотел брать, но и отказаться не мог.

А «главная тётя» — большая, добрая, с тёплыми руками — вручила мне коробку с мандаринами: — Попробуй удержаться и не съесть всё по дороге, — улыбнулась она и добавила шоколадку. — На дорожку.

Я поблагодарил, попрощался, и Гоголь ушёл по своим делам. Я пошёл домой один, и тут на меня налетели школьные хулиганы.

— Это у тебя мандарины? — ухмыльнулся один.

Он выхватил один фрукт, я тут же отобрал.

— Это на Новый год! Я несу их домой! — Ну давай мы отнесём, — насмешливо протянул другой.

— Нет! — твёрдо сказал я и пошёл дальше. Но самый быстрый из них вдруг рванул вперёд, схватил коробку и начал перебирать мандарины, выбирая, какой попробовать. Я кинулся к нему, пытался отобрать, но их было больше, и я ничего не мог сделать. В груди всё сжалось от обиды и злости, хотелось кричать. И в этот момент, будто услышав меня, прибежал

Гоголь.

Хулиганы его испугались. Один даже попятился, а Гоголь повалил другого и прикусил ему штанину — не сильно, но так, что тот взвизгнул и бросился наутёк. Остальные тут же разбежались.

Гоголь подошёл ко мне, носом подтолкнул коробку, будто

говорил: «Держи, всё в порядке».

Я обнял его крепко-крепко.

— Спасибо тебе, Гоголь... — выдохнул я. Потом, не удержавшись, снова попытался повалить его на снег. И на этот раз он сдался — упал, раскинув лапы, и мы оба рассмеялись.

Я лёг на него: он был такой тёплый, а снег под ним — холодный, и от этого контраст казался особенно правильным. Я мог бы лежать так хоть весь день. Но небо уже темнело, и день подходил к концу.

Гоголь проводил меня до самого дома.

Мама сразу почувствовала, что день у меня был непростой, но хороший.

— Иди грейся и пей чай, — сказала она, и в её голосе было столько заботы, что на душе сразу потеплело.

Она убежала на кухню и вскоре вернулась с тарелкой: курица с картошкой, которую она готовила весь день. Просто объедение. Я зашёл в гостиную и увидел папу. Он сидел в кресле и читал газету. Я повернул голову набок — и тут же понял: газета была перевернута сторонами. — Пап, ты газету неправильно читаешь! — крикнул я.

Но голоса своего будто и не услышал: папа полностью скрывался за широкими листьями, будто специально прятался там. Из-за газеты доносилось тихое шуршание, хруст и какой-то странный чавкающий звук.

— да всё отлично, МИшюНЯ, иди играй! — отозвался папа, не выглядывая.

Я не сдался. Тихонько обошёл кресло и напрыгнул на него сзади.

Папа взвизгнул, газета полетела на пол. Оказалось, он тайком ел мандарины и что-то себе наливал из маленькой бутылки, закусывая шпротами из банки. Он быстро сделал глоток, поставил рюмку и прижал палец к губам: — Тссс! Маме только не говори. А я тебе куплю компьютер. — И протянул мне мандаринку. — Иди, беги во двор, играй.

— Ладно, — буркнул я, забирая мандарин. Честно? Я не особо верил, что он купит. Но вдруг... вдруг в новогоднюю ночь чудеса случаются даже с компьютерами.

Уже выходя в прихожую, я услышал, как папа всё-таки спалился. Мама вошла, увидела банку шпрот, пустую рюмку, газету на полу... и начала его ругать.

— Ну что ты, Лен, ну праздник же! — оправдывался папа.

А потом он её схватил и поцеловал. Прямо так, с запахом мандаринов и шпрот. И мама вдруг перестала ругаться, улыбнулась и поцеловала его в ответ.

Я скрючился, зажмурился и прошептал:

— Бее, противно...

И рванул к двери, выскочил во двор, где снег, ветер и всё понятно: если кидаешь снежок — он летит, если бежишь — ноги скользят. Никаких этих взрослых штук.

Я вышел во двор и посмотрел на небо. Шёл лёгкий снежок — такой тихий, будто город специально приглушил все звуки, чтобы его слышать.

Люди спешили куда-то, кто-то нёс коробку с гирляндами, кто-то тащил большую коробку, наверное, с игрушками для ёлки. Все готовились к Новому году, а я просто сел на холодные ступеньки и посидел. Немного даже скучал — так бывает, когда вокруг все суетятся, а тебе хочется просто посидеть и подумать. И тут ко мне подбегает Гоголь. Я даже посмеялся: «Гоголь-моголь!» — так он смешно нёсся, будто у него десять дел сразу.

Добрый пёс.

Я начал чистить мандаринку. дольки пахли так сладко, что даже холод от снега будто отступил на шаг. — Хочешь, Гоголь? Угощу! — протянул я ему дольку.

А он фыркнул, помотал головой и даже чуть отодвинулся, будто я ему какую-то странную штуку предложил.

— Ну как хочешь, — улыбнулся я. — Смотри, какая она вкусная!

Он снова фыркнул и пошёл играть в шпионов. Прыгнул в сугроб — и его не стало видно. Только хвост смешно торчал, вилял туда-сюда. Я подошёл поближе, наклонился, и вдруг — хвост пропал. Я даже растерялся: «Где

И тут Гоголь вынырнул из снега, прыгнул прямо на меня, повалил и начал радостно облизывать. — Ладно, ладно, всё, Гоголь, я сдаюсь! — смеялся я, уворачиваясь. — Все косточки с нашего стола — твои, только не облизывай! Он отошёл, довольный, и начал валяться в снегу, кататься, отряхиваться, будто надевал новую снежную шубу.

А я подошёл и стал помогать ему, обтирал его снегом, убирал лишние комки.

да, такой у меня друг. Самый лучший. Я зашёл домой, и время было уже спать. Я поднялся на второй этаж, быстро почистил зубы и лёг. В комнате пахло зимней улицей и мандаринами — этот запах будто прилип к моей куртке и теперь уютно витал в воздухе. И тут в дверях появились мама с папой. Они стояли, обнявшись. Мама положила голову папе на плечо и тихо, совсем без слов, смотрела на меня. Папа чуть улыбался, будто знал какой-то очень хороший секрет.

Они не подходили, не целовали в лоб, не говорили «спокойной ночи» — просто стояли и смотрели, пока я не улягусь поудобнее и глаза

сами не начнут слипаться. В этом молчании было столько тепла, что мне даже не хотелось ничего говорить.

А потом они тихо ушли в гостиную, прикрыв дверь, и в комнате стало спокойно и темно. Только полоска света из коридора падала на край одеяла.

Я улыбнулся в подушку, подумал про Гоголя, про мандарины, про то, что папа обещал компьютер... и вдруг понял, что мне вообще ничего больше не нужно. Потому что дом тёплый, родители рядом, и всё хорошо.

Глаза закрылись сами.

На следующий день я проснулся и сразу подбежал к окну. На улице шёл снег — крупный, пушистый, будто город накрыли мягким одеялом. Люди спешили куда-то, кутались в

шарфы, несли пакеты. А я вдруг заметил мужика на велосипеде. даже в такой снег! Интересно, подумал я. Надо будет попробовать с Гоголем покататься.

У меня ведь есть летний велосипед. Папа приделал к нему люльку, и туда он сам посадил Гоголя — я бы не смог, Гоголь тяжёлый и толстый. Ха-ха, но я всё равно его люблю. Папа ещё надел ему пилотные очки, и мы поехали. Ехали медленно — Гоголь-то не лёгкий, — НО зато с горки летели как на ракете. Было так весело, что я даже забыл, что мне мокро и холодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.